
CURRICULUM: СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИКА

САМНЕР У.Г. НАРОДНЫЕ ОБЫЧАИ (Избранные фрагменты).
(Перевод с англ.)¹

Ключевые слова: народные обычаи; нравы; внушение; внушаемость; критика; правильное; права; мораль; табу; общественное благополучие; воображение.

Для цитирования: Самнер У.Г. Народные обычаи (Избранные фрагменты) / пер. с англ. В.Г. Николаева // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2025. – № 3. – С. 140–155.

Перевод поступил: 15.01.2025.

Принят к публикации: 22.01.2025.

SUMNER W.G. Folkways (Selected fragments). (Translated from English)

Keywords: folkways; mores; suggestion; suggestibility; critics; right; rights; morals; taboos; societal welfare; imagination.

For citation: Sumner W.G. Folkways (Selected fragments). Translated from English by V.G. Nikolaev. Social'nye i humanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2025. – N 3. – P. 140–155.

Received: 15.01.2025.

Accepted: 22.01.2025.

¹ Продолжение. Начало см. в предыдущем номере журнала.

Перевод сделан по: Sumner W.G. Folkways: a study of the sociological importance of usages, manners, customs, mores, and morals. – Boston: Ginn & Company, 1906. – P. 20–26, 27–30, 30–33, 33–36.

Глава 1. Фундаментальные понятия народных обычаев и нравов (продолжение)

24. Внушение; внушаемость. То, что было названо психологией толп, состоит в определенных явлениях внушения. Некоторое множество лиц, собранных вместе, особенно если они наполнились одним и тем же чувством восторга или стимулируются одним и тем же интересом, передают импульсы друг другу, так что все эти импульсы намного усиливаются. Иными словами, неоспоримым фактом является то, что все умственные состояния и эмоции значительно возрастают в силе благодаря передаче от человека к человеку, особенно если сопровождаются ощущением сближения и кооперации большого числа людей, имеющих общее чувство или интерес. «Элемент психического принуждения, к которому подчинен наш мыслительный процесс, характерен для операций, которые мы называем суггестивными»¹. То, что мы сделали или услышали, занимает наши умы настолько, что мы не можем отвлечься на что-то другое. Консенсус множества лиц сулит триумф импульсу, каким бы он ни был. *Ça ira*². Есть упоение восторга в ощущении движения с большим множеством людей. Нет обдумывания, или рассудка. Поэтому толпа может делать вещи, которые лучше или хуже того, что делали бы входящие в нее индивиды. Случаи линчевания показывают, как толпа может творить вещи, совершенно невероятные для взятых по отдельности индивидов; последние бы такого не сделали и не согласились бы сделать. У толпы не больше гарантий мудрости и добродетели, чем было бы у индивида. На самом деле участники толпы почти всегда отбрасывают все способности благоразумного суждения, приобретенные путем воспитания, и отдаются во власть энтузиазма, страсти, животного импульса, грубого желания. В толпе всегда есть общий запас элементарных верований, предрассудков, любовей и ненавистей, излюбленных понятий. На этот общий запас воздействуют одни и те же стимулы во всех людях одновременно. Совокупная реакция – это великая буря чувств, великий импульс для воли. Отсюда огромное влияние на толпу знамений и всяческих народных предрассудков. Знамения – пример «эгоистической референции»³.

¹ *Stoll O.* Suggestion und Hypnotismus in der Völkerpsychologie. – Leipzig: Verlag von Veit & Comp., 1904. – S. 702.

² Все будет хорошо (фр.). – *Прим. пер.*

³ *Friedmann M.* Über Wahnideen im Völkerleben. – Wiesbaden: Verlag von J.F. Bergmann, 1901. – S. 222.

Войско воздерживается от битвы из-за затмения. Мужчина, отправившийся было на поиски пропитания, идет обратно домой, потому что путь ему пересекла ящерица. В каждом случае происшествие в природе истолковывается как предостережение или директива войску или человеку. Так могут без всякой причины рождаться судьбоносные последствия для людей и народов. Власть лозунгов состоит в кластере внушений, которые к ним прикрепились. В Средние века к слову «еретик» приросло пугающее внушение низменной порочности. В XVII в. такие же внушения соединились со словами «ведьма» и «изменник». «Природа» приобрела в XVIII в. великую суггестию чистоты и правильности, которой не потеряла до сих пор. Сегодня на «прогресс» у нас лег совершенно несоразмерный груз суггестии. Внушаемость – это качество подверженности суггестивному влиянию¹. «Внушаемость – это естественная способность мозга немотивированно принимать какие угодно идеи, впитывать их и в конце концов быстро превращать в движения, ощущения и торможения»². Она сильно разнится в степени и присутствует в разных степенях в разных толпах. Толпы разных национальностей различались бы как по степени внушаемости, так и по видам суггестивных стимулов, на которые они будут реагировать. Внушаемостью обусловлено подражание. Даже самоубийство благодаря внушению и подражанию делается эпидемией³. В случае кризиса, например кораблекрушения, когда никто не знает, что делать, один человек, действуя, может повести всех за собой за счет подражательной внушаемости. Очень внушаемые люди могут быть приведены в умственные состояния, не допускающие критики и рефлексии. Каждый, кто приобретает мастерство в первичных процессах ассоциации, аналогии, повторения и непрерывности, может проделывать с другими разные трюки, стимулируя эти процессы, а затем предоставляя им ограниченные данные для обработки. Руководящая идея может быть внушена серией идей, заставляющей реципиента ожидать, что эта серия будет продолжена. Тогда последний не сможет воспринимать, если серию разрушить. В эпоху Возрождения никакой степе-

¹ Binet A. La suggestibilité. – Paris: Schleicher Frères, 1900. Бине трактует применение внушаемости в воспитании.

² Lefevre L. Les phenomenes de suggestion et d'auto-suggestion. – Paris: A. Maloine, 1903. – P. 102.

³ Funck-Brentano F. Le suicide. – P. 117. (Такого издания не найдено. – Прим. пер.)

ни просвещения не было достаточно для сопротивления наваждению астрологии, так как оно поддерживалось страстной фантазией и страстным желанием знать будущее и подтверждалось древностью, авторитетность которой всеобъемлюще внушалась всеми верованиями и предрассудками этой эпохи¹.

25. Внушения в воспитании. Мании. Родители и учителя используют внушение в воспитании детей. Люди, занимающие высшее социальное положение, оперируют внушением все время, намеренно или ненамеренно. Всему, что бы они ни делали, подражают. Народные обычаи воздействуют на индивидов посредством внушения; когда они возвышаются до нравов, они делают это еще больше, ибо тогда они несут в себе внушение общественного благополучия. Обычаи и понятия могут поначалу отвергаться индивидом, исходя из его оценки их достоинств, но повторяющееся внушение делает их знакомыми и притупляет воздействие на него тех черт, которые поначалу его отвращали. Знакомые примеры этого дают моды на одежду и сленг. Новый фасон в одежде кажется вначале нелепым, неизящным или неприличным. По прошествии некоторого времени это первое впечатление от него притупляется настолько, что все под него подлаживаются. Новый сленг кажется вульгарным. Он просачивается в употребление. В Индии символ лингама настолько обычен, что никто не уделяет никакого внимания его смыслу². Эта способность знакомости сводить внушение до нуля дает негативное доказательство силы внушения. Конвенционализация также редуцирует внушение – возможно, до нуля. Вредно читать описания преступлений, порока, ужасов, избыточных приключений и т.д., так как знакомость ослабляет отвратительные внушения, которые эти вещи должны вызывать. Мошенники и все прочие, проявляющие интерес к тому, чтобы увлечь умы других людей в некотором направлении, пользуются внушением. У них часто развивается значительное практическое мастерство в этом деле, хотя они и не понимают его науку. Это одно из искусств демагога и площадного оратора. Один человек, желавший номинироваться на пост, приехал на съезд выступить с речью. Партию будоражил один большой и трудный вопрос. Он

¹ *Burckhardt J.* Die Cultur der Renaissance in Italien. – Basel: Schweighauser Verlagsbuchhandlung, 1860. – S. 512. (Рус. пер.: *Буркхардт Я.* Культура Возрождения в Италии. – Москва: Юрист, 1996.)

² *Nivedita, Sister.* The web of Indian life. – London: William Heinemann, 1906. – P. 212.

начал со слов, что хотел бы откровенно и полно изложить свою позицию по этому вопросу. «Но сначала, – сказал он, – позвольте мне сказать, что я демократ». Это вызвало бурю аплодисментов. Затем он принялся хвастаться своими заслугами перед партией и в итоге закончил речь, так и не сказав ни слова по этому важному вопросу. Его легко номинировали. Преследования ведьм покоились на внушении. «Каждый знал», что существуют ведьмы. Если нет, то что тогда за люди те, которых сжигали? Филипп IV, король Франции, хотел заставить людей поверить, что тамплиеры еретики. Люди были не готовы в это поверить. Тогда король приказал, чтобы тело одного тамплиера выкопали и сожгли, как сжигали тела еретиков. Это убедило людей посредством внушения¹. Что «говорят», что «делает каждый» и что «каждый знает» – контролирующее внушения. Посредством внушения происходят религиозные возрождения. Средневековые бичевания и танцы были случаями внушения. Фактически все народные мании объясняются им. Религиозные объединения практикуют внушение на себе, особенно на своих детях или менее воодушевленных членах, пользуясь для этого символами, изображениями, образами, процессиями, драматическими представлениями, празднествами, реликвиями, легендами о своих героях. В Средние века распятие было инструментом религиозного внушения для создания образного понимания смерти Иисуса. В очень многих хорошо известных случаях страсти толпы доводились до уровня неистового действа. Символы и образы тоже благодаря внушению стимулируют религиозное рвение. Если много людей действуют вместе, то рождаются массовые явления и возникают такие следствия, как истерические эпидемии на съездах и экстравангантности коммунистических сект². Научные общества и множества людей, интересующихся одной и той же темой, посредством встреч и передачи внушений делают все идеи каждого общим достоянием всех. У гиперборейцев есть душевная болезнь, делающая их подверженными внушению. Женщин поражает истерия перед наступлением половой зрелости. Позже они проявляют феномены «одержимости» – танцы и пение, а еще позже – каталепсию³.

¹ Schotmüller K. Untergang des Templer-Ordens: mit urkundlichen und kritischen Beiträgen. – Berlin: Ernst Siegfried Mittler & Sohn, 1887. – Bd. 1. – S. 136.

² Regnard P. Les maladies épidémiques de l'esprit: sorcellerie, magnétisme, morphinisme, délire des grandeurs. – Paris : E. Plon, Nourrit et cie, 1887.

³ Globus: Illustrierte Zeitschrift für Länder- und Völkerkunde. – 1904. – Bd. 85, N 16. – S. 262.

26. Внушение в политике. Огромным полем для использования средств и аппарата внушения в настоящее время является политика. За последние полвека все государства стали массовыми. Внушение осуществляется легко, когда присоединяется к популярным идеям, излюбленным понятиям человеческих групп, расхожим банальностям и текущим привычкам мысли и чувства. Газеты, популярная литература и массовое ораторство показывают попытки оперировать внушением в этих направлениях. Они редко корректны и точны; обычно они играют на принятых представлениях. Искусство ловкого внушения – одно из великих искусств в политике. Речь Антония над телом Цезаря – классический пример этого. В политике, особенно на выборах, старый аппарат внушения используется снова и снова: флаги, символы, церемонии и торжественные мероприятия. Патриотизм систематически культивируется посредством годовщин, паломничеств, символов, песен, декламаций и т.д. Еще один примечательный случай внушения дает современная реклама. Рекламные объявления искусно планируются таким образом, чтобы затронуть ум читателя и добиться от него реакции, желаемой рекламодателем. Рекламные страницы наших популярных журналов свидетельствуют о верованиях и идеях, преобладающих в массах.

27. Внушение и критика. Внушение – законный инструмент, когда используется честно, для прививания знания или принципов поведения, т.е. для воспитания в широком смысле слова. Критика – это операция, с помощью которой внушение ограничивается и корректируется. Именно благодаря критике человек защищен от легковерия, эмоции и ошибки. Способность к критике – это способность, которую воспитание должно главным образом тренировать. Трудно сопротивляться внушению того, что человек, обвиняемый в преступлении, виновен. Линчеватели обычно покоряются этому внушению, особенно если преступление было чудовищное и сильно распалило их эмоции против того неизвестного, который его совершил. Требуется критика, чтобы воспротивиться этому внушению. Наши судебные институты призваны удерживать это внушение в стороне, пока не изучены все свидетельства. Образованный человек должен быть недосыгаемым для внушений, идущих из рекламных объявлений, газет, речей и историй. Если он благоразумен в момент, когда толпа преисполнена энтузиазма и эмоций, он покинет ее и встанет в стороне, чтобы сформировать свое суждение. Короче говоря, индивидуальность и сильная личность – это противоположности внушаемости. Самовнушение ре-

зонно включает все случаи, когда человек «поражен некоторой идеей» или «подхватил мнение», но в более строгом смысле относится к фиксированным идеям и привычкам мышления. Раздражение наводит на мысль о паразитах, и паразиты внушают раздражение. Страх перед заиканием вызывает заикание. Спящий человек отгоняет муху, не просыпаясь. Если мы находимся в позе или роли, то действуем так, как люди, насколько мы слышаны, действуют в этой позе или роли¹. Требуется хорошо натренированная рассудительность, чтобы корректировать или отбирать собственные идеи и сопротивляться закрепленным идеям. Высшая критика — это критика самого себя.

28. Народные обычаи, обусловленные ложным умозаключением. Кроме того, народные обычаи формировались случаем, т.е. иррациональным и несуразным действием, основанным на псевдознании. В Молеббо начался мор вскоре после того, как там умерли португальцы. После этого туземцы принимали все возможные меры, чтобы не дать ни одному белому человеку умереть в их стране². На Никобарских островах некоторые туземцы, едва начав делать глиняную посуду, умирали. Это искусство было отброшено, и к нему больше никогда не возвращались³. Белые люди дали одному бушмену в краале палку, украшенную пуговицами, как символ авторитета. Когда он умер, он оставил эту палку своему сыну. Вскоре умер и сын. Тогда бушмены вернули палку, чтобы не умерли все⁴. До недавнего времени ни в одном из больших городов центральной провинции Мадагаскара нельзя было строить здания из негорючих материалов ввиду какого-то древнего предрассудка⁵. Некая партия эскимосов не встретила никакой дичи. Один из них пошел назад к упряжке и взял собачье бедро, чтобы поесть. Когда он вернулся с бедренной костью в руке, то встретил и убил тюленя. После он всегда брал с собой на охоту такую

¹ *Lefevre L.* Op. cit. — P. 98.

² *Bastian A.* Ein Besuch in San Salvador, der Hauptstadt des Königreichs Congo: ein Beitrag zur Mythologie und Psychologie. — Bremen: Druck und Verlag von Heinrich Strack, 1859. — S. 104.

³ *Ratzel F.* Anthropogeographie. — Stuttgart: Verlag von J. Engelhorn, 1891. — Teil 2. — S. 699.

⁴ *Lichtenstein H.* Travels in Southern Africa in the years 1803, 1804, 1805 and 1806. — London: Printed for Henry Colburn, 1815. — Vol. 2. — P. 61.

⁵ *Sibree J.* Great African island: chapters on Madagascar. — London: Trübner & Co., 1880. — P. 301.

кость¹. Женщины-беленда (полуостров Малакка) в течение некоторого периода стараются не отходить от дома. Многие держат двери закрытыми. Они не знают причины этого обычая. «Должно быть, он обусловлен каким-то забытым суеверием»². Вскоре после того, как якуты впервые увидели верблюда, у них разразилась эпидемия оспы. Они решили, что верблюд – источник этой болезни³. Одна женщина из этого же народа заключила брак внутри рода. Вскоре после этого она ослепла. Это отнесли на счет нарушения старинного обычая⁴. Можно собрать великое множество таких примеров. Фактически они представляют текущий способ рассуждения естественных народов. Их обычай – рассуждать так, что если одна вещь следует за другой, то она ею обусловлена. Большое число обычаев восходит к представлениям о дурном глазе; еще больше – к ритуальным понятиям нечистоты⁵. Никакое научное исследование не смогло бы выявить источник упомянутых обычаев, если бы этот источник не оказался случайно известен цивилизованным людям. Мы должны счесть, что известные нам случаи иллюстрируют иррациональное и нелепое происхождение многих народных обычаев. Из цивилизованной истории мы также узнаем, что обычаи были обязаны появлением «исторической случайности» – тщеславию принцессы, уродству короля, какой-то причуде демократии, любовной интрижке государственного мужа или прелата. Институтами другой эпохи может быть гарантировано, что ни одна из этих вещей не сможет повлиять на решения, действия или интересы, но тогда власть определять обычаи может перейти к клубам, профессиональным союзам, трестам, торговым соперникам, кукловодам, политикам и политическим фанатикам. Причины и истоки могут и в этом случае ускользнуть от исследования.

30. Как обнаруживаются «истинное» и «правильное». Если дикарь подносит руку слишком близко к огню, то чувствует

¹ Eighteenth annual report of the Bureau of Ethnology to the secretary of the Smithsonian Institution, 1896–1897. – Washington: Government printing office, 1899. – Part 1. – P. 325.

² *Stevens H.V.* Mittheilungen aus dem Frauenleben der Ôrang Bêlendas, der Ôrang Djâkun und der Ôrang Lâut // Zeitschrift für Ethnologie. – 1896. – Jahrgang 28. – S. 170.

³ *Wilken G.A.* Handleiding voor de vergelijkende volkenkunde van Nederlandsch-Indië. – Leiden: E.J. Brill, 1893. – S. 546.

⁴ *Серошевский В.Л.* Якуты: опыт этнографического исследования. – Санкт-Петербург: Типография главного управления уделов, 1896. – С. 558.

⁵ См. Главу XIII.

боль и отдергивает ее. Он ничего не знает о законах излучения тепла, но его инстинктивное действие соответствует этому закону, как если бы он его знал. Если он хочет поймать животное для еды, то должен изучить его привычки и подготовить средство, приспособленное к этим привычкам. Если оно не помогает, он должен повторять попытки, пока его наблюдение не окажется «истинным», а средство – правильным. Весь практический и прямой элемент в народных обычаях, по-видимому, обусловлен здравомыслием, природной рассудительностью, интуицией или каким-то другим изначальным умственным даром. Он кажется рациональным (или рационалистическим) и утилитарным. В мифологиях этот конечный рациональный элемент относили часто к учительству бога или культурного героя. В современной мифологии он объясняется как «естественный».

Хотя принятые способы действия всегда должны быть понастоящему «истинными» и «правильными» в отношении фактов, так как в противном случае они не отвечали бы своей цели, не таково примитивное представление об истинном и правильном.

31. Народные обычаи «правильны». Права. Мораль. Народные обычаи являются «правильными» способами удовлетворения всех интересов, потому что они традиционны и существуют фактически. Они распространяются на всю жизнь. Есть правильный способ ловить дичь, добывать жену, проявлять свое Я, лечить болезнь, чествовать духов, относиться к товарищам и чужим, вести себя при рождении ребенка, на тропе войны, в совете и так далее во всех случаях, могущих возникнуть. Эти способы определяются с негативной стороны, т.е. разными табу. «Правильный» способ – это способ, которым пользовались предки и который был передан. Традиция – сама себе гарантия. Она не считается подлежащей подтверждению опытом. Понятие правильного заключено в народных обычаях. Оно не вне их, не имеет независимого от них происхождения и не привносится в них, чтобы их проверить. В народных обычаях – правильное, каким бы оно ни было. Ведь они традиционны и, следовательно, содержат в себе авторитет духов предков. Когда мы подходим к народным обычаям, мы находимся в конце нашего анализа. Понятие правильного и должного – одно и то же в отношении всех народных обычаев, но степень его меняется в зависимости от важности стоящего на кону интереса. Обязательство конформного и кооперативного действия в случае страха перед духами и в случае войны гораздо серьезнее, чем в других вопросах, и социальные санкции при этом строже, по-

скольку, как предполагается, на кон ставятся групповые интересы. Некоторые обыкновения содержат лишь небольшой элемент правильного и должного. Вполне можно считать, что понятия правильного и должного и социального благополучия впервые развились в связи со страхом перед духами и идеями потустороннего и, следовательно, в этой же области народные обычаи впервые возвысились до нравов. «Права» – это правила взаимного обмена в жизненном состязании, которые навязываются товарищам в группе, дабы в ней мог поддерживаться мир, существенный для групповой силы. Права, следовательно, никогда не могут быть «естественными», «богоданними» или в каком-либо смысле абсолютными. Нравственность (morality) группы в любой данный момент – это сумма табу и предписаний, заключенных в народных обычаях, которыми определяется правильное поведение. Отсюда – мораль (morals) никогда не может быть интуитивной. Она исторична, институциональна и эмпирична.

Мировая философия, жизненная политика, права и нравственность – все это продукты народных обычаев. Они являются осмыслениями опыта удовольствия и страдания, обретаемого в попытках борьбы за существование в действительных жизненных условиях, и обобщениями из этого опыта. В зачаточных формах эти обобщения очень грубы и туманны. Все они находят воплощение в фольклоре, и вся наша философия и наука развились из них.

32. Народные обычаи «истинны». Народные обычаи непременно «истинны» в отношении некоторой философии мира. Мыслить людей заставляло страдание. Жизненные бедствия принуждали к рефлексии и учили прозорливости. Умственные процессы были утомительны и не запускались, пока болезненный опыт не делал их неизбежными¹. С великим единодушием по всему миру придерживались примитивные люди одной и той же линии мышления. Считалось, что мертвые продолжают жить как духи в ином мире, в точности похожем на наш. У духов были точь-в-точь такие же потребности, вкусы, страсти и т.д., как у живущих. Эти трансцендентальные понятия были началом умственного оснащения человечества. Имелись символы веры, а не рациональные убеждения. У живых были обязанности перед духами, у духов были права; у них была также власть, позволявшая принуждать к реализации собственных прав. Следовательно, это обязывало жи-

¹ Fritsch G. Die eingeborenen Süd-Afrika's. – Breslau: Ferdinand Hirt, 1872. – S. 57.

вущих учиться тому, как обращаться с духами. Здесь мы имеем завершенную философию мира и выведенную из нее жизненную политику. Когда переживались боль, потеря и бедствие и невольно возникал вопрос: «Кто нам это сделал?», – философия мира давала ответ. Когда мучительный опыт приводил к вопросу: «Почему духи сердятся, и что нам надобно сделать, чтобы их умиловать?», – «правильным» был ответ, который отливало в философию страха перед духами. Все акты, следовательно, ограничивались и вписывались в формы философии мира страхом перед духами, авторитетом предков, табу и привычкой. Привычки и обычаи создавали практическую философию благополучия и подтверждали и развивали религиозные теории гоблинизма.

34. Определение нравов. Когда элементы истины и правильности преобразуются в доктрины благополучия, народные обычаи возносятся на новый уровень. Теперь они обретают способность наводить на размышления, облекаясь в новые формы и расширяя свое конструктивное влияние на людей и общество. В этом случае мы называем их нравами (*mores*). Нравы – это народные обычаи, включающие философские и этические обобщения об общественном благополучии, которые ими внушаются и по мере их развития становятся внутренне им присущими.

35. Табу. Нравы с необходимостью образуются в значительной мере из табу, указывающих на вещи, которых делать нельзя. Отчасти они диктуются мистическим ужасом перед духами, которых какими-то действиями можно было бы оскорбить, но также включают и такие акты, которые, как показал опыт, приносят нежелательные результаты, особенно в поисках пропитания, в войне, в здоровье или в плане увеличения или уменьшения населения. Эти табу всегда содержат больший элемент философии, чем позитивные правила, так как табу содержат ссылку на причину, состоящую например в том, что подобное действие рассердило бы духов. Примитивные табу соответствуют тому факту, что жизнь человека окружают опасности. Его поиск пропитания должен ограничиваться избеганием ядовитых растений. Его аппетит должен удерживаться от излишеств. Его физическая сила и здоровье должны быть предохранены от опасностей. Табу несут в себе накопленную мудрость поколений, почти всегда достававшуюся ценой страданий, потерь, болезней и смерти. Другие табу содержат запреты на то, что будет вредным для группы. Законы о полах, о собственности, о войне и о духах имеют этот характер. Они всегда

включают какую-то социальную философию. Они и мистичны, и утилитарны, являются смесью того и другого.

Табу можно подразделить на два класса: (1) защитные и (2) разрушительные. Одни из них нацелены на защиту и оберегание, другие – на подавление и уничтожение. Женщины подчинены ряду табу, направленных против них как источников возможного вреда или опасности для мужчин, а также другим табу, отстраняющим их от мужских обязанностей или рисков. Табу, в силу этого различия в них, действуют избирательно и воздействуют таким образом на курс цивилизации. Они содержат суждения относительно общественного благополучия.

36. Никакого примитивного философствования; мифы; сказки; понятие об общественном благополучии. Это не нужно понимать в том смысле, что примитивные люди философствуют о своем жизненном опыте. Это наш путь, не их. Они не формулировали никаких положений о причинах, значении или конечных связях вещей. Но они создавали мифы, в которых часто излагали концепции, являющиеся глубоко философскими, только делали это в конкретной, персонифицированной, драматической и образной форме. Они боялись страданий и бед и создавали народные обычаи своими средствами отведения страданий и бед. Этими средствами были ритуальные акты, которые планировались исходя из их смутных и грубых верований о духах и потустороннем мире. Мы продумываем связь между этими средствами и верованиями и сводим ее к положениям, облеченным в философскую форму; но примитивные люди никогда этого не делали. Их мифы, сказки, пословицы и максимы демонстрируют, что более тонкие связи вещей от них не ускользали и что в рефлексии у них не было недостатка, но метод ее был очень отличным от нашего. Представление об общественном благополучии в них не отсутствовало, хотя никогда не представало им самым осознанно в качестве их цели. Мор, как визит гнева духов на всех, или война впервые преподавали эту идею, поскольку война была связана с победой над соседней группой. У батаков есть легенда, что некогда мужчины женились на дочерях сестер своих отцов, но следом пришли бедствия и, таким образом, эти браки были табуированы¹. Это умозаключение и примеры,

¹ *Meervaldt J.H.* Wijzen de tegenwoordige zeden en gewoonten der Bataks nog sporen aan van een oorspronkelijk matriarchaat? // *Bijdragen tot de taal-, land- en volkenkunde van Nederlandsch-Indië*. – 1892. – Deel 41, 2de afl. – P. 203.

приведенные в § 28, демонстрируют понимание общественного благополучия и его связи с состояниями и действиями как условиями.

37. Элемент воображения. Правильное постижение фактов и событий умом и правильные выводы относительно связей между ними конституируют знание, и главным образом благодаря знанию люди стали более способными благополучно жить на земле. Следовательно, переключения между опытом, или наблюдением, и интеллектуальными процессами, посредством которых устанавливаются смысл фактов, их последовательность, взаимозависимость и рациональные последствия, – несомненно, самый важный процесс для обретения большей способности к благополучной жизни. И все же оказывается, что этот процесс был подвержен самым губительным ошибкам. Воображение вмешивалось в рассудок и снабжало людей объектами для устремлений, которые растрачивали и рассеивали их энергии. В особенности чередования наблюдения и дедукции пресекались тщетой и суеверностью, приносящими заблуждения. Как следствие, люди поворачивались спиной к благополучию и реальности ради погони за красотой, славой, поэзией, безудержной риторикой, удовольствиями, известностью, приключениями и фантазмами. У каждой группы в каждую эпоху были свои «идеалы», к которым она стремилась, как если бы люди надували и запускали воздушные шарик, а затем, увлекшись их яркими цветами, прыгали, чтобы поймать их. В сами процессы анализа и дедукции пробираются самые пагубные ошибки. Мы замечаем наш опыт в каждом действии или событии. Мы выводим из опыта значимость. Мы дедуцируем убеждение относительно того, что нам лучше всего было бы сделать, когда этот случай возникнет снова. Именно это мы, несомненно, и должны делать, чтобы жить благополучно. Этот процесс преподносит нам постоянное повторение последовательности: акт, мысль, акт. Ошибка делается, если мы позволяем внушениям тщеславия, суеверия, спекуляции или воображения спутаться со второй стадией и войти в наше убеждение относительно того, как лучше всего в таком случае поступить. Это и происходило, когда гоблинизм был принят как объяснение опыта и правило правильной жизни, и именно это делалось с тех пор снова и снова. Умозрительные и трансцендентальные понятия давали философию мира, а правила жизненной политики и долга выводились из нее и приносились на второй стадии процесса «акт – мысль – акт». Все ошибки и заблуждения умственных процессов проникали в нравы эпохи. Логика одной эпохи – не логика другой. Одна из главных полезных целей изучения нравов состоит в

том, чтобы научиться различать в них действие традиционных заблуждений, преобладающих догм, логических ошибок, иллюзий и текущих ложных оценок благ, к которым стоит стремиться.

39. Повторение сказанного. Этот предварительный анализ можно подытожить так: люди в группах пребывают в жизненных условиях; у них есть потребности, при определенном состоянии жизненных условий схожие; связи потребностей с условиями являются интересами, и во главе их стоят голод, любовь, честолюбие и страх; попытки множеств людей одновременно удовлетворять интересы производят массовые явления, становящиеся в силу единообразия, повторяемости и широкого сближения народными обычаями. Народным обычаям сопутствуют удовольствие и страдание в зависимости от того, как они приспособлены к цели. Страдание принуждает к рефлексии и наблюдению некоторой связи между действиями и благополучием. В этой точке философия мира (начиная с гоблинизма) внушает объяснения и выводы, которые сплетаются с суждениями о целесообразности. Народные обычаи меж тем впитывают философию правильной жизни и жизненную политику достижения благополучия. В этом случае они становятся нравами и могут развиваться за счет умозаключений, выводимых из философии или правил в попытке удовлетворять потребности без страдания. Вследствие этого они претерпевают улучшение и приводятся в согласие друг с другом.

40. Область влияния и метод нравов. В этом труде отстаивается положение, что народные обычаи – самое широкое, самое фундаментальное и самое важное явление, за счет которого обслуживаются интересы людей в группах, а процесс, посредством которого создаются народные обычаи, – это основной процесс, которому обязаны своим существованием элементарные общественные и групповые феномены. Жизнь общества состоит в создании и применении народных обычаев. А науку об обществе можно мыслить как их изучение. Связи людей друг с другом, когда они бок о бок ведут борьбу за существование, состоят из взаимных реакций (антагонизмов, соперничеств, альянсов, принуждений и коопераций), из которых возникают общественные сцепления и сращения, т.е. более или менее устойчивые позиции индивидов и подгрупп по отношению друг к другу, а также более или менее устойчивые последовательности и методы взаимодействия между ними, благодаря которым обслуживаются интересы всех членов группы. То же можно сказать обо всех животных. Общественные насекомые особенно ярко демонстрируют нам высокоразвитые результаты взаимосогла-

сования смежных интересов и жизненных актов, выраженные в сцеплениях и сращениях. Общественные сращения обеспечиваются народными обычаями: люди, каждый из которых борется за сохранение существования, неосознанно сотрудничают друг с другом, выстраивая ассоциации, организацию, обычаи и институты, которые со временем достигают полной зрелости и действенности, хотя никто заранее их не задумывал, не планировал и не понимал. Они предстают творениями «предков». Эти сращения связей и действий в войне, труде, религии, развлечениях, семейной жизни и гражданских институтах соединяются с верованиями, философскими доктринами (мифами, фольклором), а также предписаниями правильного поведения и долга (табу). Создание обычаев – дело нетривиальное, хотя действия мелки и незаметны. Каждый акт каждого человека закладывает атом в структуру, как исполняя долг, вытекающий из того, что предшествовало, так и обуславливая то, что грядет дальше в силу авторитета традиционного обычая. Структура, таким образом выстроенная, – не физическая, а социетальная и институциональная, и ее следует отнести к категории, которую нужно определить и изучать саму по себе. Это категория, в которой обычай создает неразрывность, согласованность и постоянство; и потому ткань отношений и предписанных позиций, с которыми постоянно соединены общественные функции, можно по праву называть «структурой». Процесс создания обычаев неизменен. Сегодня он такой же, каким был на заре цивилизации. «Привычка и обыкновение» действуют на всех людей во все времена. Они создают знакомое и привычное, и массовые акты становятся неосознанными. Тот же эффект создается обычными действиями, повторяющимися во всех постоянно повторяющихся случаях. Диапазон общественной активности может колоссально расширяться, интересы могут разрастаться и множиться, материалы, которыми обеспечиваются нужды, могут становиться гораздо более многочисленными, процессы общественной кооперации могут становиться сложнее, в случае многих интересов на место обычая могут заступать договор или уловка; но если это затрагивает способы действий и интересы масс, то народные обычаи будут развиваться дальше и посредством того же процесса, что и описанный, как происходивший с самого начала цивилизации. Способы ведения войны изменялись со всеми новыми изобретениями в вооружении и военной технике и развились в огромные по масштабу и важности народные обычаи. Фабричная система ремесел создала совокупность народных обычаев, в которой живут ремесленники и которая отличает фабричные городки от торговых городов и деревень земледельцев. Использование хлопка вместо льна колос-

сально повлияло на современные народные обычаи. Применение энергии и машин изменило стандарты комфорта всех классов. И все же народные обычаи сохраняли свой характер и авторитет, несмотря на все изменения в форме, которые они претерпевали.

41. Интеграция нравов группы или эпохи. Развивая далее эту же интерпретацию явлений, мы находим, что изменения в истории обусловлены прежде всего изменениями в жизненных условиях. Затем меняются народные обычаи. Далее в попытке обосновать новые способы действия изобретаются новые философии и этические правила. Вся обширная совокупность современных нравов развилась подобным образом из философии и этики средних веков. Тем самым нравы, развившиеся в приспособлении к системе больших светских государств, мировой торговли, кредитных институтов, договорной заработной платы и ренты, эмиграции на иные континенты и т.д., стали нормой для всей совокупности обыкновений, манер, идей, верований, обычаев и институтов, охватывающих всю жизнь общества и отличающих историческую эпоху. Так, Индия, Халдея, Ассирия, Египет, Греция, Рим, Средневековье и современность – это случаи, в которых интеграция нравов на основе разных жизненных условий производила общественные состояния, обладающие завершенной и отличительной индивидуальностью (этосом). В рамках любого такого общественного состояния великим резонансом для любого явления является его соответствие нравам времени и места. Кстати, историки всегда признавали действие такой определяющей силы. То, что в данный момент поддерживается, – не что-то случайное и подчиненное. Оно вершит и контролирует. Следовательно, научное обсуждение обыкновения, обычая или института состоит в прослеживании его связи с нравами, а обсуждение общественных кризисов и изменений состоит в демонстрации их связи с изменениями в жизненных условиях или с перестройкой нравов в приспособлении к изменениям в этих условиях.

*Пер. с англ. В.Г. Николаева**

(Окончание следует)

* Николаев Владимир Геннадьевич – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник отдела социологии и социальной психологии Института научной информации по общественным наукам РАН; vn1968@yandex.ru

Nikolaev Vladimir Gennad'evich – Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher of the Department of Sociology and Social Psychology, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences; vn1968@yandex.ru